

БЫВАЮТ театральные события, значение которых выходит за рамки конкретного успеха того или иного драматурга, режиссера, актера. В подобных событиях прослеживаются некие закономерности, определяются черты типического, устанавливаются новые эстетические критерии.

Думается, что многое сошло в обычной, казалось бы, премьере Центрального детского театра «Был выпускной вечер» А. Ремеза в постановке режиссера С. Ягина.

В первую очередь заинтересовали пьеса, сам автор, проблемы, которые он поднимает. Александр Ремез очень молод, ему чуть больше двадцати лет. И это не просто житейский штрих, это примечательно. Давно не появлялись столь юные драматурги, так как сама профессия эта числилась уделом людей зрелых, мудрых, философски мыслящих.

Творческая молодость начинается сегодня раньше, перед ней открыт гораздо более долгий путь свершений, она легче обнаруживает себя, легче облекается в строгие формы профессии.

Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» плодотворно не только своей констатирующей, фактологической частью. Оно плодотворно и тем нравственным климатом, который рождает в творческой среде атмосферу высокой требовательности, принципиальности и деловитости.

В этой атмосфере молодые художники естественнее ощущают не только свои права, но и свои обязанности — быть гражданами в искусстве, понимать идейность творчества не как дополнительный его признак, но как самое существо истинно художественного произведения.

Пьеса А. Ремеза «Был выпускной вечер», на первый взгляд, обладает всеми признаками «тюзовского» репертуара: герои ее — школьники, место действия — школа, конфликтная коллизия — выпускной вечер, когда обостряется все доселе глубоко спрятанное, когда все в последний и все в первый раз.

Какими мы будем, кем мы будем, по какой дороге пойдём? Эти вопросы всегда занимали юные сердца. И выпускной вечер выглядел обычно короткой «стоянкой» между двумя путешествиями юности — уже окончившимся школьным и только еще начинающимся взрослым. А прекрасные часы «выпускной» ночи были приготовлением к профессии, прологом к взрослости.

Ремез построил психологическую канву своей пьесы иначе. Перед нами сложив-

шиеся взрослые люди — это юноши и девушки, еще не успевшие сменить школьную форму, но уже перешедшие во внешкольную духовную жизнь.

Все, что будет с ними, будет не завтра, оно уже есть сегодня. Ничто не может быть отложено, ничто не может быть отложено, мечты — это не далекая завтрашняя жизнь, это «примерка» своих сегодняшних возможностей к реальности.

— Какими мы будем? — традиционный этот вопрос юности, расстающейся с детством, изменен в пьесе на другой: какие мы есть, выпускники 70-х годов, какими нас выпустила школа чтобы в школу жизни? И не в профессию даже, но именно в жизнь. Автору важнее нравственная сторона дела, нежели сугубо конкретная — кто

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

будет врачом, кто юристом и кто актрисой. Если есть эта надежная человеческая основа — получаются и хорошие юристы, и хорошие врачи, и хорошие актеры.

Перемена вопроса, «какими мы будем?» на вопрос «какие мы есть?» — это перенесение ответственности с завтра на сегодня, более активное ощущение личной своей ответственности за все, что творится вокруг тебя.

В современной социологии нередко говорится об особом явлении — акселерации: более раннем созревании молодого организма. Но ведь речь идет не только о физиологии, речь идет о «духовной акселерации», о более раннем мужании души.

Молодой драматург как раз и ощутил эту «акселерацию души», рассказав о своих выпускниках, как о взрослых людях, уже твердо знающих, какими они обязательны станут.

ПЬЕСА А. Ремеза поставлена в так называемом Театре в фойе — своеобразном дочернем предприятии Центрального детского театра. Подобные камерные мини-театры становятся все более популярными, заставляют о себе говорить. И это тоже не случайность, не мода. Все интереснее, все значительнее становится сам человек, сама человеческая личность. Пристальный ее анализ делается особенно возможным, когда личность эта

берется крупным планом и ничто не отвлекает драматурга и режиссера, не распыляет их внимания. И чтобы детально разглядеть сложный строительный материал нравственных основ характера, понадобилась особая близость актеров и зрителей, их полная «неразделенность», когда и те, и другие одинаково втянуты в условный мир драмы, поданный на сцене без сценных как безусловный мир жизни.

Театр в фойе Центрального детского театра уже имеет свою добрую историю. На его счету такие спектакли, как поэтическая оратория «Мы этой памяти верны» (режиссер С. Яшин), психологическая драма С. Соловейчика «Печальный однолюб» (режиссер Л. Некрасова) и, наконец, пьеса А. Ремеза.

Особая атмосфера присутствует на этих спектаклях — предельная достоверность, глубочайшая актерская отдача.

Актер А. Бордуков был в спектакле «Был выпускной вечер» школьником Александром Ардашниковым, именно был им — худеньким, грустным, сильным, выдающим дальше всех, не выдающим того, что совсем близко!

Да и остальные актеры в этом спектакле — М. Жигалов, А. Комиссаров, Л. Гребенникова, И. Маликова — как бы «переселились» в своих героев, им бесконечно важно узнать и рассказать, чем живут эти юноши и девушки.

Но вот чтостораживает в ряде спектаклей Театров в фойе: установилась, стала лидирующей интонация грусти, будто бы пристальный художнический взгляд непременно обнаруживает только печальные чувства, только тоскливые события и никак не может разглядеть радость, светлый юмор, жизнерадостное мироощущение. Представляется, что конфликтна только печаль, что радость бесконфликтна, внедраматична. Но так ли это? Думается, что Театр в фойе может и должен стать разнообразнее в своих репертуарных поисках, в его спектаклях должна отчетливее звучать жизнеутверждающая интонация.

И. ВИШНЕВСКАЯ.